

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

И. М. Помус. **Бурят-Монгольская АССР.** Соцэргиз, М., 1937, VIII + 396 стр.

Рецензируемая книга является первым опытом комплексного описания Бурят-Монгольской АССР. Потребность в таком труде давно назрела, так как ознакомление с различными областями хозяйственной и культурной жизни республики было в значительной степени затруднено отсутствием сводных работ и справочных пособий. Выпущенные ранее немногочисленные издания, освещавшие отдельные вопросы социалистического строительства Бурят-Монгольской АССР, либо не отличались достаточной полнотой, либо к настоящему времени уже устарели.

Книга М. И. Помуса посвящена, в основном, подведению итогов социалистической реконструкции народного хозяйства и культуры за 20 лет и описанию экономических профилей отдельных районов республики (в старших ее границах, так как книга была напечатана до постановления ЦИК СССР от 26 сентября 1937 г. о разделении Восточно-Сибирского края). Этой основной части предпосланы физико-географический очерк и краткая история Бурят-Монгольской АССР.

В физико-географическом очерке (глава «Природные условия») читатель почерпнет изложенные в сжатой форме интересные сведения о естественных богатствах республики, геологическом строении ее территории, климате, почвенном покрове, флоре и фауне. Описывая реки и озера, автор много внимания уделяет Байкалу — своеобразнейшему и глубочайшему водному бассейну СССР. В упрек автору можно поставить лишь излишнее пристрастие к лирике (стихи, длинные цитаты из беллетристических сочинений), что во многих местах прерывает связное изложение, не будучи вызвано какой-либо необходимостью.

Некоторые возражения вызывает трактовка автором ряда исторических проблем в главе «Дореволюционное прошлое Бурят-Монголии». Сведения, сообщаемые автором о народах, обитавших в Прибайкалье в древности, не находят себе подтверждения в специальной литературе. Утверждение же, что «за 100 лет до н. э. главные силы хуннов были разгромлены у Байкала и территория современной Бурятии переходит на несколько столетий под власть китайских феодалов, которая затем в IX в. в результате ряда восстаний и внешних войн сменяется властью династии киргизских князей» (стр. 97), — носит совершенно фантастический характер.

Местом разгрома хуннов в I в. до н. э. считаются Джунгария и Притяньшанье; что же касается владычества китайских феодалов над территорией Бурятии от I до IX в., то это сообщение не подтверждается какими-либо историческими данными. Также и существование «династии киргизских князей», равно как и их господство в IX в. над Бурятией, следует взять под большое сомнение.

Непонятно изложение процесса формирования бурятских племен: «Именно в эти столетия из многочисленного конгломерата жителей Прибайкалья и формируются различные бурятские племена, оттеснившиеся к северу живших у берегов Байкала эвенков (тунгусов) и якутов» (стр. 97). Остается неясным, почему «многоплеменный конгломерат» мирно уживался с якутами и эвенками, а формирующиеся бурятские племена оттесняют их к северу. Кроме того, это неверно с фактической стороны, так как нет никаких оснований говорить о вытеснении эвенков бурятами с берегов Байкала в древнюю эпоху.

Автор полагает, что родовой строй был пройден бурятами до создания ими «самостоятельной этнической единицы», и всецело разделяет пресловутую теорию существования у них особой эпохи общинной охоты — «зэгэтэ-аба» (стр. 98).

Многочисленные пережитки родовых отношений, наблюдавшиеся еще в недалеком прошлом, убедительно говорят против концепции автора.

Эпоха «верхопромышленных общин», управляемых «племенной аристократией», — обязанная своим возникновением лишь трудам местного краеведа Хангалова, ничем не документированным и не находящим себе подтверждения в известных источниках истории бурят, — вряд ли когда-либо существовала.

Автор неправ, приписывая остатки древних оросительных сооружений бурятам. Подобные ирригационные сооружения широко распространены на территории Монголии, Танну-Тувы и Бурят-Монголии и свидетельствуют о существовании в прошлом развитой земледельческой культуры в этих областях. Нет, однако, никаких оснований связывать это древнее земледелие с теми или иными современными народами. Тип хозяйства бурят и монголов не дает повода к подобным заключениям.

Трудно согласиться с утверждением автора, что «овладев Бурятией, военно-феодалная империя способствовала консервации сложившихся в крае внутренних социально-экономических отношений, приспособляя их к собственным классовым интересам» (стр. 104). Правильнее говорить не о консервации, а о поддержке и поощрении феодальных элементов бурятского общества.

Также вызывает недоумение аналогичное, по существу, замечание автора, что «царизмом был приспособлен административный аппарат, сохранившийся у народов Сибири, с доколониальной эпохи» (стр. 113)

Терминология остается невыдержанной на протяжении всей главы: автор называет нойонов то феодалами, то «родовой знатью» (см., напр., стр. 112).

За исключением отмеченных недостатков, краткий очерк истории Бурят-Монголии следует признать выполненным удачно.

Удачно изложены и последующие главы: «Социалистическая реконструкция народного хозяйства» и «Культурная революция». Последняя глава «Районы БМАССР» носит справочный характер.

В заключение укажем несколько мелких неточностей и неправильных формулировок. Так, неверно указание на то, что звенки в Северо-Байкальском и Баунтовском районах «распадаются на 3 рода» (стр. 151 и 378). В действительности родовой состав эвенкийского населения значительно более разнообразен.

Работа написана хорошим, популярным языком, и отдельные стилистические погрешности не меняют общего впечатления.

Издана книга вполне удовлетворительно; удачно подобранные иллюстрации и приложения в конце карты значительно повышают ее достоинство.

С. Дылыков, Е. Залкинд

Журнал для лам. Названный журнал издает ежемесячно редакция журнала для лам [находящаяся] в Уланбаторском Гандан хурэ, № 3—4, август—сентябрь, 1936, т. 4000.

Народно-демократическая революция 1921 г. в Монгольской Народной республике открыла новую эру в жизни трудящихся масс этой страны — аратов. Отсталая и в экономическом и в культурном отношении Внешняя Монголия рвала вековые цепи феодально-ламского гнета, ростовщической кабалы и эксплуатации.

Строительство во всех областях государственно-политической и культурной жизни Монгольской Народной республики, все начинания и мероприятия правительства и Монгольской народно-революционной партии всегда встречали бешеное сопротивление и противодействие со стороны ламаистской верхушки, со стороны теократических феодалов. Всякого рода «хубилганы» (перерожденцы) — гэгэны и хутухты, заправили «хитов» — монастырей и «сумэ» — храмов (хамбо, цорджи, да-ламы, дэмчи-ламы), предстатели и ходатаи, так сказать, перед «вышними» силами (абуралчи, гурумчи), цзурхайчи-ламы и тулгэчи (астрологи и прорицатели — «авторитеты» в области гороскопов и предсказаний), лобоны и гескуи отдельных кумирен и сумэ, эмчи — невежественные лекари, а точнее знахари и шарлатаны, и т. п., — все эти *эрхэ миндаг буюй лама нар* 'привилегированные 'ламы', *дэгэдү аңи јүн лама нар* 'ламы высших рангов' и *дэгэдү тологай лама нар* 'верхушка ламства', веками сидевшие на шее трудового монгольского аратства, не отказываются без ожесточенной борьбы от своего «мирного» паразитического существования.

Буддо-ламаистская «церковь» в течение многих веков обескровливала трудящихся монголов-аратов. Долгое время (с XVII в.) ламаизм отрывал от производственного труда

наиболее здоровую и трудоспособную часть населения: еще в недавние дни в Монгольской Народной республике насчитывалось до ста тысяч лам (вместе с подростками)¹ — и это из общего количества в 700 тысяч человек монгольского (халхаского) населения.

На Девятом съезде Монгольской народно-революционной партии указывалось, что ламаистская религия обладает весьма детально разработанной системой для проведения своего пагубного влияния на аратство. Общеизвестно, что в дореволюционной Монголии абсолютно отсутствовали какие бы то ни было общеобразовательные школы просвещения, кроме монастырской тибетской школы. Народное просвещение в том смысле, как оно существует во всех цивилизованных странах, отсутствовало в дореволюционной Монголии: светского, чисто гражданского, основанного на данных современной науки просвещения, проводимого на родном монгольском языке, в стране не было. Таким образом существовала только религиозная тибетская школа. В такой школе можно было научиться только грамоте (тибетской) и получить начатки ненаучных, пришедших из старой Индии общих знаний. Господство буддийской церкви над школой являлось одной из главных причин и одним из главных выражений чрезвычайной культурной отсталости дореволюционной Монголии.

С другой стороны, «изучать то или другое учение [будды] и, следовательно, усваивать его себе человек может только после принятия соответствующих монашеских обетов, не приняв же посвящение, читать священные книги почитается греховным. Это положение, всецело соблюдаемое у современных монголов-буддистов, служит одной из основных причин, по которым монголы принимают на себя духовное звание и посвящают ему своих детей еще во младенчестве».²

Дети в четырех- и пятилетнем возрасте уже «принимали» на себя простейшие обеты («убаши»), а семи и никак не позже двенадцати лет принимали посвящение в «банди».

Веками культивировались в умах трудящихся монголов обязательность отдачи в монастырь и монастырскую школу своих сыновей или хотя бы одного, даже единственного, сына.

С детских лет попадал ребенок в лапы «бакши» — учителя, и становился «шаби» —

¹ Так, например, согласно монгольской статистике, в 1924 г. было 112 671 лам в 1928 г. — 94 800 и в 1937 г. — 72 848, причем за два последние года берется только взрослое монастырское ламство, т. е. ламы старше 18 лет.

² А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей Монголии. СПб., 1887, стр. 111.